

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-137-153

УДК 94(410)+94(567)«1920/1922»

«НЕУДОБНОЕ ПРОШЛОЕ»: КУРДСКИЙ ВОПРОС В ВОСПРИЯТИИ ГЕРТРУДЫ БЕЛЛ

Косых Татьяна Анатольевна

Уральский федеральный университет
им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
kshhtt@gmail.com

Лобанова Лидия Александровна

Уральский федеральный университет
им. Первого президента РФ Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
lidiaalobanova7@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия курдского вопроса в период формирования подмандатного государства Ирак через обращение к личному архиву британской путешественницы и разведчицы Арабского бюро Гертруды Маргарет Белл (1868–1926). Интерес к трудам разведчицы приобретает особую актуальность в контексте критической интерпретации событий данного периода в курдском национальном дискурсе XXI в., лейтмотивом которого является «насильственное» включение провинции в состав Ирака. Так, необходимость присоединения Курдистана к иракскому государству Г. Белл видела в разобщенности курдских территорий как между центрами провинции, так и ввиду замкнутости «окраин», не принимавших участие в политической жизни. Помимо этого, Г. Белл акцентирует внимание на экономической взаимозависимости Курдистана и Ирака, что способствовало добровольному сотрудничеству части курдских территорий с Багдадом. Исходя из этого, в своих текстах Белл уравнивает курдские и арабские национальные интересы. В то же время письма Г. Белл демонстрируют отсутствие конкретики относительно «курдского будущего» не только в планах местных жителей, но и в стратегии Уайтхолла. Таким образом, письма и труды Гертруды Белл подчеркивают многофакторность курдского вопроса, а также демонстрируют невозможность рассмотрения курдов исключительно в роли «инертных» участников межэтнических отношений.

Ключевые слова: Гертруда Белл, королевство Ирак, курдский вопрос, Курдистан, история Ирака, Фейсал I, образ «Другого», исследования памяти.

THE “UNUSABLE PAST”: THE KURDISH QUESTION IN GERTRUDE BELL’S PERCEPTION

Kosykh Tatiana A.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
kskhtt@gmail.com

Lobanova Lidiia A.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
lidiialobanova7@gmail.com

Abstract. The article is devoted to analysis of the perception of the Kurdish issue during the formation of the mandated state of Iraq by appealing to the personal archive of the British traveller and intelligence officer of the Arab Bureau, Gertrude Margaret Bell (1868–1926). The works of the intelligence officer possess high relevance in the context of a critical interpretation of the events of this period in the Kurdish national discourse of the 21st century. The main statement of it is the involuntary incorporation of the province into the state of Iraq. On the contrary, writings of G. Bell include number of reasons advocating for the necessity of that step. For example, one of the causes for Kurdish region to join the state was fragmentation of its territories, especially between the “centres” of the province and isolated outskirts, which did not take part in regional policymaking. In addition, G. Bell emphasizes economic interdependence of Kurdistan and Iraq that contributed to the voluntary cooperation of the part of Kurdish territories with Baghdad. Based on this, G. Bell equates Kurdish and Arab national interests. At the same time, the letters of G. Bell demonstrate lack of clarity regarding the “Kurdish future” not only in the plans of local leaders, but also in Whitehall’s strategy. Thus, writings of Gertrude Bell highlight the complex nature of the Kurdish issue, and demonstrate the impossibility of considering Kurds solely as passive participants in interethnic relations.

Keywords: Gertrude Bell, Kingdom of Iraq, the Kurdish question, Kurdistan, history of Iraq, Faisal I, image of the Other, memory studies.

Цитирование: Косых Т.А., Лобанова Л.А. «Неудобное прошлое»: курдский вопрос в восприятии Гертруды Белл // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 137–153. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-137-153 / Kosykh T.A., Lobanova L.A. The “Unusable Past”: the Kurdish Question in Gertrude Bell’s Perception, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 137–153. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-137-153.

© Косых Т.А., Лобанова Л.А., 2024

Обращение к «удобному прошлому» (the usable past)¹ – распространенный инструмент конструирования идентичности современных политических сообществ [Brand, 2006, p. 10]. Между тем «эксплуатация» коллективного прошлого нередко приводит к подмене «исторического плюрализма» единой «правильной» интерпретацией событий [Малинова, 2019, с. 290–291]. В частности, в полиэтнических государствах «унификация» исторического нарратива влечет за собой пренебрежение памятью культурных, религиозных и этнических меньшинств. Как следствие, под угрозой оказывается национальная идентичность этих групп, поскольку именно коллективная память составляет значительную часть их самоидентификации [Kearney, 2013].

В случае Ближнего Востока обращение к «удобному прошлому» имеет многосложный характер. Показательным примером этого является новейшая политика памяти в Республике Ирак, предпринятая в целях «дебаасификации» режима, а также направленная на национальное примирение [Pingel, 2008, p. 182–186; Franzén, 2012, p. 31–32; Tejel, 2015, p. 2576]. Заметнее всего она отразилась на провинции Курдистан, которая в 2005 г., помимо широкой автономии, получила право на адаптацию общеиракского исторического нарратива с учетом культурных особенностей региона [Iraqi curriculum framework; Jalal, 2020, p. 84–85]. Однако, поиск «компромисса» по вопросам репрезентации общего прошлого привел к постепенной «виктимизации» курдской коллективной памяти. Так, на данный момент «синопсис» обновленного исторического нарратива в провинции Курдистан заключается в насильственном характере присоединения провинции к Ираку, единстве курдского народа в борьбе за независимость, пренебрежение курдскими национальными устремлениями со стороны международного сообщества после Первой мировой войны, а также отрицание взаимовыгодной основы в сотрудничестве с Багдадом. Приведенные тезисы формируют однополярную картину национального нарратива, исключая альтернативный взгляд на причины недостижения курдами независимости [Darweish, Alsayid, 2018, p. 324; Daerwish, Maamoon, 2018, p. 54–56; Osman, 2015, p. 191; Franzén, 2012, p. 33].

В целом, вопросы, связанные с реализацией политики памяти в Республике Ирак, в последние десятилетия привлекают все большее внимание исследователей в контексте изучения потенциала учебников истории в смягчении межэтнического конфликта путем адаптации исторического нарратива в провинции Курдистан [Tejel, 2015, p. 2569–2583], а также сложностей, которые проявились в ходе размежевания «интерпретаций прошлого» в государстве [Franzén, 2012, p. 31–45; Osman, 2015]. Вместе с этим, в западных исследованиях новый виток актуальности приобретает изучение истоков иракской национальной политики [Pursley, 2012, p. 124–126]. Отчасти это связано с неудачной стратегией «национального примирения», санкционированной международными организациями после вторжения США в Ирак 2003 г. [Muntasser, 2022, p. 112–114]. С этого момента наблюдается рост обращения

---

¹ Лори Брэнд, профессор международных отношений университета Южной Калифорнии определяет «удобное прошлое» как набор определенных исторических событий, фигур и символов, имеющих значение для современных политических и культурных практик.

востоковедов к периоду Хашимитской монархии, в особенности ко времени правления Фейсала I (1921–1933).

Так, в современных англоязычных исследованиях отмечается, что несмотря на племенные восстания, языковые, этнические и политические различия, Хашимитский Ирак обладал потенциалом для налаживания сотрудничества между арабами и курдами [Fuccaro, 2004, p. 581–583; Fattah, 2012, p. 99–100]. К примеру, подчеркивается значимость двуязычия (арабского и курдского языков) в государстве как важного звена интеграции для представителей образованного класса. Отсылка в трудах сделана на формальное разрешение использования курдского языка в делопроизводстве и образовательных учреждениях, предоставленного курдам в 1926 г. [Leezenberg, 2020, p. 26; Hassanpour, 1992, p. 114–116]. Помимо этого, упоминается санкционированное наращивание объемов выпуска периодики и книгопечатания [Edmonds, 1957, p. 93–94], что также способствовало развитию курдского литературного языка. При этом отмечается, что главенствующая роль арабского языка в государстве сохранялась [Fattah, 2012, p. 99] – это подтверждается назначениями в правительство «арабизированных» курдов [Bashkin, 2008, p. 177–183]. Однако, поголовная «арабизация» отсутствовала; более того, центробежные тенденции местных племен и курдский этноцентризм сдерживали формирование «зонтичной» иракской идентичности [Erpel, 1998, p. 235].

В ранних зарубежных, так же, как и в отечественных исследованиях, напротив, превагирует точка зрения о невозможности интеграции курдов в Хашимитскую монархию. Вместе с тем курдский национализм в указанный период освещается в контексте стратегического значения провинции в диспуте «держав-победительниц» [Вертяев, Иванов, 2015; Вертяев, 2020, с. 179–191; Иванов, 2018, 56–57; Лазарев, 2005, с. 91–100]. Все же, среди современных трудов, посвященных этноконфессиональному фактору в политике Ирака, наиболее подробный анализ взаимоотношений между национальными меньшинствами, британской администрацией и центральным правительством в Багдаде представлен в работе Е.В. Тихоновой [Тихонова, 2007; Баранова, 2004, с. 184–219]. Несмотря на это, рассмотрение такого комплексного вопроса как процесс включения Курдистана в состав Ирака требует привлечения большего числа источников. В данном контексте особую ценность представляет личный архив Гертруды Белл (1868–1926), британской путешественницы, арабиста, разведчика, чьи материалы позволяют взглянуть на истоки вековых разногласий с позиции иностранного эксперта, принимавшего личное участие в судьбоносных для Ирака решениях.

Письма, дневники и региональные обозрения, выходявшие из-под пера разведчицы с завидной частотой, позволяют поэтапно отследить процесс становления Королевства Ирак, рассмотреть динамику взаимоотношений Багдада и курдской провинции, а также оценить роль внешних факторов (в том числе, стратегии Уайтхолла), оказавших влияние на формирование единого государства. Однако несмотря на то, что обширное число исследований, посвященных истории Ирака в первой четверти XX в., использует в качестве источниковой базы архив британки, «курдский вопрос» как самостоятельная тема там практически не встречается.

Так, в рамках статьи была проанализирована корреспонденция Г. Белл в период с августа 1921 г. по сентябрь 1922 г. Выбор нижней хронологической рамки обусловлен политической обстановкой в преддверье провозглашения Хашимитского Королевства Ирак (23 августа 1921 г.), а также последовавшим процессом «оформления» молодого государства. Верхняя граница, сентябрь 1922 г., завершает период подписанием англо-иракского договора 10 октября 1922 г., закрепившего британское вмешательство в иракскую политику на правах консультанта. Кроме того, данный период характеризуется наибольшей вовлеченностью Г. Белл во внутренние дела страны, что было связано с ее ролью «личного советника» [Yakoubi, 2017] при короле Фейсале I. В качестве дополнительных источников были использованы региональное обозрение Г. Белл «Обзор гражданской администрации Месопотамии» [Bell, 1920], воспоминания Арнольда Уилсона¹ [Wilson, 1936], охватывающие основные векторы британской региональной политики, а также отчеты Верховного комиссара Ирака, Перси Захарии Кокса² за период с ноября 1920 г. по октябрь 1921 г., касающиеся политической ситуации в Месопотамии, формирования и деятельности временного правительства, а также событий, предшествовавших созданию подмандатного Ирака.

В то же время следует учитывать, что Г. Белл не являлась специалистом в области курдского национализма, как например, Э. Ноэль³, которого разведчица с иронией называла «почти курдом» [Bell, 1922a]. Тем не менее, именно статус и высокая степень вовлеченности разведчицы в государственную политику позволяли ей находиться на «междуречье» интересов британского командования и иракской администрации, а, соответственно, иметь представление о балансе сил и логике принимаемых сторонами решений. Исходя из этого, сведения, содержащиеся в региональных обозрениях и многочисленных письмах Белл, позволяют рассматривать процесс государственного строительства в Ираке с «третьей стороны» – глазами актора, находившегося, вместе с тем, вне авансцены региональной политики.

В современной историографии личность Г. Белл, как правило, характеризуется в контексте ее активной политической деятельности – весьма непривычного, в рамках викторианской морали, для женщины, образа жизни [Duplisea, 2016, p. 56]. Г. Белл пользовалась особым уважением и доверием как британских, так и иракских официальных лиц, что позволяло ей оказывать влияние на ближневосточную политику Уайтхолла. Из наиболее значимых достижений стоит отметить участие разведчицы в разработке стратегии Арабского восстания, создании и определении границ государства Ирак, а также избрание Фейсала I ибн Хусейна аль-Хашими в качестве первого иракского короля.

---

¹ Сэр Арнольд Талбот Уилсон (1884–1940) – британский гражданский комиссар в Багдаде в 1918–1920 гг. В указанный период являлся заместителем Верховного комиссара Месопотамии, Перси Захарии Кокса.

² Сэр Перси Захария Кокс (1864–1937) – первый британский Верховный комиссар в Месопотамии.

³ Подполковник Эдвард Уильям Чарльз Ноэль (1886–1974) – британский офицер, дипломат и шпион. Поддерживал создание независимого Курдистана и совершил обширные поездки по региону, установив хорошие отношения с потомками влиятельных родов.

Началом столь блистательной карьеры Г. Белл принято считать ее визит к дяде, британскому послу в Тегеране, сэру Фрэнку Ласселлсу, в 1892 г., что пробудило интерес юной мисс Белл к изучению Ближнего Востока [Courtney, 1927, p. 42]. Уже совсем скоро, в период 1899–1913 гг., в жизни путешественницы началась серия целенаправленных поездок и археологических экспедиций по региону: авантюристке удалось посетить Малую Азию, историческую область Палестины, пустыни Аравии, территорию современных Сирии, Ирана, Ирака и т.д. Важно отметить, что, в отличие от основной массы английских путешественников [Satia, 2006, p. 19], при исследовании региона Г. Белл использовала прикладные методы: помимо выстраивания контактов с местными племенами она активно вела записи, составляла карты, делала чертежи и фотоснимки.

Тем не менее, научные изыскания не были единственным занятием Белл: часто в ходе экспедиций исследовательница выступала информатором местных племен, доводя до шейхов актуальные сведения об активности их соседей. Информированность и общая экспертиза авантюристки довольно скоро привлекли внимание не только местных элит, но и британской разведки. Так, уже к 1905 г. Г. Белл по праву считалась самой узнаваемой путешественницей Великобритании [Howell, 2015, p. 126], а в 1915 г., будучи привлеченной на службу в Арабское бюро, она стала переводчиком всех отчетов, получаемых ведомством из Центральной Аравии.

Период деятельности в Ираке начался для Г. Белл с марта 1916 г. в Басре, а затем, спустя год, в Багдаде, уже в официальной должности секретаря по восточным вопросам при Верховном комиссаре. Отныне цель Белл и ее коллег заключалась в создании эффективной администрации, способной не только удовлетворить запросы местного населения, но и содействовать проведению пробританской политики в регионе [Lukitz, 1995, p. 69]. Не менее важной задачей для Г. Белл представлялось «конструирование» иракской идентичности — объединение этнически «пестрого» населения Месопотамии в еще только формировавшееся национальное государство [Bell, 1921d]. К числу подобных мероприятий можно отнести основание путешественницей в 1926 г. первого археологического музея в Ираке.

Позиция Г. Белл относительно «курдского будущего» во многом антагонистична попыткам освещения данного вопроса через парадигму «ассимиляция-сопротивление» [Tejel, 2015, p. 2570], исключая спектр как внешних, так и внутренних причин недостижения Курдистаном желанной независимости. Исходя из этого, точку зрения разведчицы стоит рассматривать в качестве антитезиса к популярному дискурсу об игнорировании Ираком курдских национальных интересов с момента образования государства, и, следовательно, о насильственном включении региона в состав Ирака.

Прежде всего следует отметить, что Г. Белл не отрицала усилившегося национального чувства у курдов, связывая его «эманацию», в большей степени, с ошибками Порты в ведении региональной политики: «Отношения османского правительства с курдскими племенами <...> можно резюмировать как тщетные попытки: с одной стороны, по осуществлению контроля, и восстания — с другой.

Со времени провозглашения Конституции в 1908 г. беспорядки скорее увеличивались, чем уменьшались, отчасти из-за самоуправства КЕП [«Комитет единения и прогресса». – Т.А., Л.А.], а отчасти из-за политических волнений, вызванных разочарованием в надеждах, дарованных конституционным движением» [Bell, 1920, p. 42]. Соответственно, разведчица делает следующий вывод: «Курдские племена верят, что теперь появилась возможность заявить о себе как о народе, и идея курдской автономии, которая сформировалась при конституционном режиме, возродилась и получила импульс благодаря нашим багдадским прокламациям к арабам, в которых было продемонстрировано совершенно иное отношение к национальным устремлениям, отличное от того, которым руководствовались турки» [Bell, 1920, p. 44].

Все же, Г. Белл придерживалась мнения об отсутствии у курдов «общего самосознания» не только между основными центрами – Киркуком, Мосулом, Сулейманией и Эрбилем – но и среди городских и сельских элит. Показательным является письмо от 14 августа 1921 г., в котором разведчица на примере Киркука демонстрирует, насколько могли различаться устремления жителей в пределах одной провинции: «Там, как вы знаете, городское население – туркоманы, а сельское – курды. Ни те, ни другие не желают арабского правления, и среди турок много антибританской пропаганды. 2/4 Киркука попросили назначить турецкого правителя. Курды, однако, не настроены антибритански; они хотят курдское независимое государство под нашей протекцией, но что они подразумевают под этим, ни они, ни кто-либо другой не знают. Ибо они решительно отказываются быть каким-либо образом связанными с провинцией Сулеймания, которая до прихода Фейсала уже проголосовала за выход из состава Иракского государства» [Bell, 1921a].

В той же мере письма Г. Белл демонстрируют невозможность «безучастности» англичан к курдскому вопросу, ввиду нараставшей угрозы со стороны турецкой границы [Каумаз, 2011, p. 97], а также в силу принятия Севрского договора (10 августа 1920 г.), содержавшего положение о создании независимого Курдистана в будущем. Следовательно, даже несмотря на первоначальные планы, по которым ни автономия, ни полноценное включение региона в Ирак не предусматривались [Eskander, 2000, p. 140], британцы были вынуждены предпринимать меры по претворению курдской государственности в рамках мандата. Так, первоначально, центром автономии была избрана Сулеймания, которой в течение шести месяцев руководил шейх Махмуд Барзанджи¹, амбициозно заявивший англичанам о своей власти также над лива' Эрбиля и Киркука. Однако, довольно скоро стало очевидным, что власть сейида ограничивалась лишь родной Сулейманией, а после всевозможных попыток бунта против британского контроля, он был низложен в ходе короткой военной операции.

Показательна характеристика, данная шейху Махмуду коллегой Г. Белл, Арнольдом Уилсоном: «В невежестве, но не в невинности, он был ребенком с большими

---

¹ Шейх Махмуд Барзанджи (1881–1956) – один из лидеров национально-освободительного движения в Южном Курдистане.

амбициями и природной хитростью <...> И все же, несмотря на все его недостатки, у него было много последователей. В Южном Курдистане на одного, кто выступал против его назначения, приходилось четверо других, которые заявляли, что поддерживают это. Правда вскоре стало ясно, что влияние, которым он обладал, можно было эффективно использовать только в районе Сулеймании, и даже здесь существовало влиятельное меньшинство, из крупных землевладельцев и купцов, которые предпочитали прямое управление британскими чиновниками по образцу прежнего турецкого правительства, нежели возвращение к полуварварскому племенному правлению» [Wilson, 1936, p. 134]. В результате, после заверений Уайтхолла об отсутствии принуждения для курдов подчиниться арабскому правительству¹, провинция была передана под прямое управление Верховного комиссара [Edmonds, 1957, p. 57].

Репрезентативным является письмо от 9 ноября 1921 г., где Г. Белл передает настроения в ходе последовавших переговоров о положении лива': «Вечером 3 правительственных чиновника пришли повидаться со мной, кади, маль-мудиром и судьей. Все они говорили по-арабски и поспешили заверить меня, что не хотят иметь ничего общего с Ираком или Фейсалом. Независимая Сулеймания — я даже не буду говорить Курдистан — это то, к чему они стремятся, с нашей помощью и консультацией курдских чиновников...» [Bell, 1921b]. Непосредственная роль разведчицы, как она отмечала, в данном «проекте» заключалась в поддержке выдвиненцев из местного населения для последующего формирования представительства: «Мы управляем Сулейманией как курдской провинцией, подчиняющейся Верховной комиссии и отделенной от Ирака, с которым она не будет иметь ничего общего. Сборщики — курды — у нас там нет британских войск — все чиновники — курды, и вся работа выполняется на курдском языке. Мы занимаемся созданием выборного совета, 4 члена правительства, 4 представителя города Сулеймании и по одному от каждого из 4 районов» [Bell, 1921b]. Приведенная цитата подчеркивает, что «невмешательство» во внутренние дела региона было запланировано, а с целью снижения военных расходов [Kaumaz, 2011, p. 97] предполагалось установление контактов с выборной администрацией через британских консультантов.

При этом, по вопросу формирования курдского представительства примечательно упоминание Г. Белл информации об отсутствии местных кандидатов или их явная нерешительность к занятию должности: «...никто раньше никого не избирал, и кандидаты очень стесняются выдвигаться. На данный момент управлять будет майор Голдсмит по той причине, что нет никого выдающегося, кого можно было бы поставить, но позже мы надеемся, что они выберут кого-нибудь — возможно, образованного человека местного происхождения» [Bell, 1921b]. «Стеснение», на которое обращает внимание Белл, вероятно, являлось отражением низкого уровня «политической культуры» вне курдских центров, подкрепляемое, в том числе, замкнутостью их «окраин», нередко не имевших ни представления о планах чиновников,

---

¹ Данная стратегия приобрела очертания в ходе Каирской конференции 1921 г., где было принято решение сохранить Южный Курдистан в качестве стратегического буфера для Месопотамии, до определения курдами собственного политического будущего.

ни желания выказывать им поддержки, чем создавало существенные препятствия для работы как местной администрации, так и британских управленцев.

Именно об этом Г. Белл выражает сожаление, упоминая в письме от 22 июня 1922 г. эпизод атаки местного на английских офицеров: «У нас была еще одна катастрофа в Сулеймании — мы потеряли двух доблестных офицеров из-за предательства курдского аги, который пытался убить курдского чиновника и набросился, как собака, на двух англичан, которые пришли к соглашению с ним <...> Какие прекрасные жизни мы там потратили впустую — ну, я пока не скажу, что впустую, но это тяжелая цена, которую мы платим за освобождение этой незаконной земли» [Bell, 1922b]. Успех в управлении автономией отныне казался разведчице все более недостижимым.

Подобные препятствия в установлении стабильных взаимоотношений с британской администрацией постепенно сводили к минимуму курдские шансы на автономию. Несмотря на то, что впоследствии это и оказало влияние на решение включить регион в состав Ирака, характер этого присоединения нельзя считать исключительно насильственным. Как уже было упомянуто, на момент образования государства настроения в курдских лива' разнились: в то время как Сулеймания или Киркук не желали иметь ничего общего с Багдадом, районы Эрбиля и Мосула постепенно осознавали выгоду от возможности вхождения в состав королевства [Tripp, 2000, p. 36]. Так, в письме от 14 августа 1921 г., в преддверье коронации Фейсала I, Белл комментирует процесс переговоров Багдада с провинцией: «Слишком много ведется разговоров о курдском национализме, о котором вы, возможно, еще не раз услышите в ближайшие несколько месяцев, если только сэру Перси действительно не удастся убедить Киркук прислушаться к голосу разума. Эрбиль и все курдские районы вокруг Мосула согласны войти в состав Ирака, понимая, что их политическое и экономическое благополучие связано с Мосулом» [Bell, 1921a]. Сам П. Кокс в региональных отчетах также отмечает нежелательный характер создания таможенного барьера между Мосулом и курдскими центрами, что было бы неизбежно в случае их отказа от сотрудничества с Багдадом [Mesopotamia: Intelligence Reports...].

Схожее мнение высказывал ранее и А. Уилсон: «По географическим и коммерческим соображениям казалось очевидным, что Южный Курдистан мог процветать только как часть Месопотамии. Единственными возможными рынками сбыта были Мосул и Багдад; все коммуникации проходили через Месопотамию. Эти факты осознавались многими, и несколько наиболее просвещенных курдских лидеров согласились в личной беседе, что некоторая форма курдской автономии возможна в рамках арабского государства, пока оно находится под британским руководством. Все же, подавляющему большинству племенных вождей перспектива подчинения арабскому государству неприятна» [Wilson, 1936, p. 133]. Так, в числе мер, принятых в связи с недоверием курдов к арабской администрации, П. Кокс упоминает привлечение британских офицеров к работе администрации округа Эрбиля и уделение «особого внимания пожеланиям населения при назначении на местные

должности. Аналогичным образом, в случае Сулеймани предполагается, что к ней следует относиться как к «мутасаррафу»¹, поскольку мутасарриф и британский советник находятся в прямой переписке с Верховным комиссаром» [Mesopotamia: Intelligence Reports...].

Более того, по мнению Белл, курдские представители, при всех разногласиях, осознавали экономическую взаимозависимость своих лива², вследствие чего первыми принявшими предложение британцев был выдвинут ряд требований, способных обеспечить провинции, по крайней мере, достаточную степень автономии: «Они выторговали и получают определенные привилегии, такие как собственных курдских чиновников. Некоторые просят, чтобы все преподавание в школах велось на курдском языке, что было бы резонной просьбой, если бы не тот факт, что курдский едва ли можно назвать письменным языком и что курдских учителей можно обучать только на арабском языке, поскольку курдских книг вообще нет» [Bell, 1921a]. Кроме того, считает Белл, даже спустя год, в этом затяжном диалоге прагматизм одерживал верх: «Джафар-паша и Рашид аль-Ходжа (мутасарриф² Мосула) <...> Рашид – убежденный националист, но признает необходимость британской помощи. Джафар-паша считает также. Беседа была весьма поучительной и обнадеживающей» [Bell, 1922c]. Таким образом, детализированные описания процесса переговоров подтверждают намерения англичан и багдадской администрации к сотрудничеству с курдскими провинциями, нежели к применению «политики ультиматумов». Во многом это было вызвано как отсутствием единого мнения между британскими администраторами и Верховным комиссаром в Ираке, так и расхождениями повесток Лондона и Багдада [Вертяев, 2020, с. 188–189], что выражалось в принятии решений по мере изменения обстановки в регионе.

Помимо разобщенности между курдскими центрами, отсутствия «общего самосознания», а также недостатка готовых к кооперации местных лидеров, в архиве разведчицы нашли отражение «внешние» причины невозможности обретения «историческим Курдистаном» государственности. Речь идет о союзнических обязательствах Великобритании. После поражения Порты в Первой мировой войне новым импульсом для курдских национальных устремлений стали идеи, закрепленные в 12-м из «14 пунктов» президента США В. Вильсона, провозглашавшие «безопасность жизни и возможность свободного, самостоятельного развития» [Системная история ..., 2000, с. 27–28] для бывших народов империи. Поэтому даже несмотря на запланированное деление «исторической территории» Курдистана между союзниками, еще с момента заключения договора Сайкса-Пико в 1916 г., «курдская мечта» продолжала существовать.

Относительно воплощения этих идей, в письме Г. Белл от 17 сентября 1921 г., содержится парадокс, выраженный в условности разделения региона на сферы влияния и в отсутствии там полноценного контроля союзников: «С того момента, как Фейсал

---

¹ Мутасарраф (ар. مُتَصَرِّف) – административный округ, провинция.

² Мутасарриф (ар. مُتَصَرِّف) – титул, использовавшийся в постосманском Ираке для обозначения губернатора административного округа.

прибыл, он начал получать послания и письма от курдских магнатов к северу от нашей границы, в которых говорилось, что они хотят сбросить турецкое иго и создать автономный Курдистан с Фейсалом в качестве короля (что-то вроде Австро-Венгрии, *absit omen!*) под защитой Великобритании <...> та часть территории, которую они предлагают превратить в курдское государство, находится во французской зоне. Курды ни при каких обстоятельствах не будут иметь дело с французами <...> Нам удалось разделить арабов на две отдельные страны, но они обе были оккупированы французскими и британскими войсками. Это не относится к Курдистану. Французы не оккупируют там какую-либо часть своей зоны, и вряд ли это когда-либо произойдет. Кто, следовательно, должен принуждать жителей придерживаться искусственных демаркационных линий, согласованных в Лондоне или Париже?» [Bell, 1921c]. Данный фрагмент, в том числе, указывает на то, что помимо недостатка материального ресурса в послевоенный период и необходимости соблюдения международных пактов, союзникам не хватало и реальных возможностей для формирования единого курдского государства, в силу превалировавшего сепаратизма на данных территориях.

Подводя итог, стоит отметить, что несмотря на то, что Г. Белл осознавала усиливавшиеся националистические настроения в Южном Курдистане, а также располагала достаточными сведениями о региональной повестке, разведчица все же не разделяла идей «курдской независимости». Основной причиной неосуществимости этой «мечты» Белл считала глубокую разобщенность курдских территорий как между центрами провинции, так и ввиду замкнутости «окраин», не принимавших участие в политической жизни. Исходя из этого, оптимальным решением исследовательница считала включение региона в состав Ирака в силу неразрывности его экономических связей с Багдадом, а также вследствие роста внешней угрозы со стороны турецкой границы. Более того, в своих описаниях Белл зачастую уравнивала курдские и арабские национальные интересы, обосновывая это неразрывностью экономических связей между регионами. Так, Г. Белл подчеркивает обоюдность процесса вхождения территорий в состав королевства на примере лива' Мосула и Эрбиля, чьи представители выражали готовность к объединению на условиях автономии – установления собственной администрации, формирования представительства, а также возможности ведения делопроизводства и обучения на курдском языке в будущем.

В той же мере письма Г. Белл демонстрируют отсутствие конкретики относительно «курдского будущего» не только в планах местных жителей, но и в стратегии Уайтхолла. При этом неопределенность англичан подкреплялась союзническими обязательствами Великобритании, отсутствием фактического контроля над курдскими районами, а также нехваткой материального ресурса для поддержки независимых от Ирака автономий в рамках ближневосточного мандата. Таким образом, обращение к личному архиву Г. Белл подтверждает многофакторность курдского вопроса, ключевые противоречия которого проявились еще в период формирования единого государства. С другой стороны, материалы разведчицы демонстрируют невозможность рассмотрения курдского меньшинства исключительно в роли

«инертных» участников межэтнических отношений, поскольку очевидная напряженность во взаимодействии центра и провинции нередко перекликалась с политическими переговорами и сотрудничеством. В совокупности приведенные факты формируют картину «неудобного» прошлого, находящегося в настоящее время «вне поля зрения» курдского националистического дискурса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Баранова Е.В.* Британский мандат и этноконфессиональные общины Ирака: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Брянск: Брянский государственный ун-т, 2004. 258 с.
- Вертяев К.В.* Роль Англии в формировании протогосударственности иракских курдов после Первой мировой войны (1918–1920 гг.) в форме мандатных территорий // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 4. С. 179–191.
- Вертяев К.В., Иванов С.М.* Курдский национализм: история и современность. М.: Ленанд, 2015. 352 с.
- Иванов С.М.* Иракские курды как авангард курдского национального движения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 4 (62). С. 55–62.
- Лазарев М.С.* Курдистан и курдский вопрос. М.: Восточная литература, 2005. 308 с.
- Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 2019. № 9. С. 285–312.
- Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2000. Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 2. М.: Московский рабочий, 2000. 243 с.
- Тихонова Е.В.* Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. М.: ЛКИ, 2007. 240 с.
- Bashkin O.* The Other Iraq: Pluralism and Culture in Hashemite Iraq. Stanford: Stanford University Press, 2008. 376 p.
- Bell G. Letter to Florence Bell and Sir Hugh Bell between the 17th of September and the 18th of September 1921c. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-3-2-12> (accessed 13 October 2023).
- Bell G. Letter to Sir Hugh Bell between the 8th of September and the 14th of September 1922a. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-18-17> (accessed 20 November 2023).
- Bell G. Letter to Sir Hugh Bell between the 9th of November and the 25th of November 1921b. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-17-36> (accessed 13 October 2023).
- Bell G. Letter to Sir Hugh Bell on the 14th of August 1921a. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-17-27> (accessed 13 October 2023).

Bell G. Letter to Sir Hugh Bell on the 22nd of June 1922b. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-18-11> (accessed 20 November 2023).

Bell G. Letter to Sir Hugh Bell on the 6th of July 1922c. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-18-12> (accessed 20 November 2023).

Bell G. Letter to Sir Thomas Hugh Lowthian Bell on the 2nd of October 1921d. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-17-33> (accessed 20 November 2023).

Bell G. Review of civil administration of Mesopotamia. London: H.M. Stationery Office, 1920. 152 p.

Brand L. Citizens Abroad: Emigration and the State in the Middle East and North Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 268 p.

Courtney J.E. Gertrude Bell // *The North American Review*. 1927. № 233 (833). Pp. 656–663.

Darweish M., Alsayid M. War and Peace in Iraqi Kurdistan's History Curricula // *Peace Review*. 2018. № 30 (3). Pp. 322–330.

Darweish M., Maamoon A.M. History education in schools in Iraqi Kurdistan: representing values of peace and violence // *Journal of Peace Education*. 2018. № 15 (1). Pp. 48–75.

Duplisea G. Writing in the Masculine: Gertrude Lowthian Bell, Gender, and Empire // *Terrae Incognitae*. 2016. № 48 (1). Pp. 55–75.

Edmonds C.J. The Kurds of Iraq // *Middle East Journal*. 1957. № 11 (1). Pp. 52–62.

Eppel M. The Elite, the Effendiyya, and the Growth of Nationalism and Pan-Arabism in Hashemite Iraq, 1921–1958 // *International Journal of Middle East Studies*. 1998. № 30 (2). Pp. 227–250.

Eskander S. Britain's Policy in Southern Kurdistan: The Formation and the Termination of the First Kurdish Government, 1918–1919 // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2000. № 27 (2). Pp. 139–163.

Fattah H. What did it mean to be an Iraqi during the Monarchy? // *Writing the Modern History of Iraq, Historiographical and Political Challenges*. Ed. by J. Tejel, P. Sluglett, R. Bocco, H. Bozarslan. Singapore: World Scientific, 2012. Pp. 95–105.

Franzén J. Writing the History of Iraq: The Fallacy of 'Objective' History // *Writing the Modern History of Iraq, Historiographical and Political Challenges*. Ed. by J. Tejel, P. Sluglett, R. Bocco, H. Bozarslan. Singapore: World Scientific, 2012. Pp. 31–45.

Fuccaro N. Minorities and Ethnic Mobilisation: The Kurds in Northern Iraq and Syria // *The British and French Mandates in Comparative Perspectives*. Ed. by N. Meouchy, P. Sluggett. Leiden: Brill, 2004. Pp. 579–595.

Hassanpour A. Nationalism and Language in Kurdistan, 1918–1985. Lewiston: Mellen Research University Press, 1992. 520 p.

Howell G. A Woman in Arabia. London: Penguin Books, 2015. 320 p.

Iraqi curriculum framework. UNESCO Iraq Office. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219551> (accessed 20 November 2023).

- Jalal P.A.* Sectarianism in Kurdistan Region of Iraq Between Political and Theological Schism [Doctoral dissertation, Virginia Polytechnic Institute and State University] // *Virginia Tech Electronic Theses and Dissertations*. 2020. URL: <https://vtechworks.lib.vt.edu/handle/10919/99090> (accessed 20 August 2023).
- Kaymaz I.S.* Britains Policy Toward Kurdistan At The End Of The First World War // *Turkish Journal Of International Relations*. 2011. № 10. Pp. 79–103.
- Kearney A.* Ethnicity and Memory // *Research Methods for Memory Studies*. Ed. by E. Keightley, M. Pickering. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. Pp. 132–148.
- Leezenberg M.* Vernacularization as Governmentalization: the Development of Kurdish in Mandate Iraq // *Arabic and its Alternatives: Religious Minorities and their Languages in the Emerging Nation States of the Middle East (1920–1950)*. Ed. by H. Murre-van den Berg, K. Sanchez-Summerer, T.C. Baarda. Leiden: Brill, 2020. Pp. 50–76.
- Lukitz L.* Iraq: the search for national identity. Abingdon: Routledge, 1995. 224 p.
- Mesopotamia: Intelligence Reports* / British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/10/962. Available at Qatar Digital Library: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100000000419.0x00035a (accessed 15 December 2023).
- Muntasser M.H.* State-building and ethnic pluralism in Iraq after 2003 // *The Journal of Political Theory Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2022. № 104 (1). Pp. 110–129.
- Osman K.F.* Sectarianism in Iraq: The Making of State and Nation since 1920. Abingdon: Routledge, 2015. 358 p.
- Pingel F.* “Can Truth Be Negotiated?” History Textbook Revision as a Means to Reconciliation // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. № 617. Pp. 182–186.
- Pursley S.* Building the Nation through the Production of Difference // *Writing the Modern History of Iraq, Historiographical and Political Challenges*. Ed. by J. Tejel, P. Sluglett, R. Bocco, H. Bozarslan. Singapore: World Scientific, 2012. Pp. 119–143.
- Satia P.* The Defense of Inhumanity: Air Control and the British Idea of Arabia // *The American Historical Review*. 2006. № 111 (1). Pp. 16–51.
- Tejel J.* The potential of history textbooks and curriculum reform in Iraqi Kurdistan within a conflict transformation frame: dealing with the past from a processual and dynamic perspective // *Ethnic and Racial Studies*. 2015. № 38 (14). Pp. 2569–2583.
- Tripp Ch.* A history of Iraq. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 386 p.
- Wilson A.* Loyalties: Mesopotamia, 1914–1917: A Personal and Historical Record. Vol. 2. London: Oxford University press, 1936. 439 p.
- Yakoubi M.* Gertrude Bell's Perception of Faisal I of Iraq and the Anglo-Arab Romance // *Gertrude Bell and Iraq: A life and legacy*. Ed. by Ch. Tripp, P. Collins. Oxford: British Academy, 2017. Pp. 187–214.

REFERENCES

- Baranova E.V. *Britanskij mandat i jetnokonfessional'nye obshhiny Iraka* [The British Mandate and the ethno-confessional communities of Iraq]. Dissertation of the candidate of Historical sciences: 07.00.03. Bryanskiy gosudarstvennyy un-t, 2004. 258 p. (in Russian).
- Vertyaev K.V. Rol' Anglii v formirovanii protogosudarstvennosti irakskih kurdiv posle Pervoj mirovoj vojny (1918–1920) v forme mandatnyh territorij [The Role of England in the Formation of the Proto-Statehood of the Iraqi Kurds after the First World War (1918–1920) in the Mandate Territories Form], in *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 4. Pp. 179–191 (in Russian).
- Vertyaev K.V., Ivanov S.M. *Kurdskij natsionalizm: istoriya i sovremennost'* [Kurdish nationalism: history and present]. Moscow: Lenand, 2015. 352 p. (in Russian).
- Ivanov S.M. Irakskije kurdi kak avangard kurdsikovo natsionalnovo dvijeniya [The Iraqi Kurds as the vanguard of the Kurdish national movement], in *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnie otnosheniya*. 2018. No. 4 (62). Pp. 55–62 (in Russian).
- Lazarev M.S. *Kurdistan i kurdskij vopros* [Kurdistan and kurdish question]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 308 p. (in Russian).
- Malinova O. Politika pamjati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Politics of memory as a symbolic policy area], in *METHOD: Moskovskiy Ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh discipline*. 2019. No. 9. Pp. 285–312 (In Russian).
- Systemnaya istoria mezhdunarodnykh otnoshenij v chetiryoh tomah. Sobytiya i dokumenty. 1918–2000* [A systematic history of international Relations in four volumes. Events and documents]. Vol. 2. Ed. A.D. Bogaturov. Moscow: Moskovskii rabochii, 2000. 243 p. (in Russian).
- Tikhonova E.V. *Jetnokonfessional'nye obshhiny Iraka v gody britanskogo mandata* [Ethno-confessional communities of Iraq during the British mandate]. Moscow: LKI, 2007. 240 p. (in Russian).
- Bashkin O. *The Other Iraq: Pluralism and Culture in Hashemite Iraq*. Stanford: Stanford University Press, 2008. 376 p.
- Bell G. Letter to Florence Bell and Sir Hugh Bell between the 17th of September and the 18th of September 1921c. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-3-2-12> (accessed 13 October 2023).
- Bell G. Letter to Sir Hugh Bell between the 8th of September and the 14th of September 1922a. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-18-17> (accessed 20 November 2023).
- Bell G. Letter to Sir Hugh Bell between the 9th of November and the 25th of November 1921b. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-17-36> (accessed 13 October 2023).
- Bell G. Letter to Sir Hugh Bell on the 14th of August 1921a. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-17-27> (accessed 13 October 2023).

Bell G. Letter to Sir Hugh Bell on the 22nd of June 1922b. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-18-11> (accessed 20 November 2023).

Bell G. Letter to Sir Hugh Bell on the 6th of July 1922c. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-18-12> (accessed 20 November 2023).

Bell G. Letter to Sir Thomas Hugh Lowthian Bell on the 2nd of October 1921d. Available at *Gertrude Bell Archive*: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-17-33> (accessed 20 November 2023).

Bell G. *Review of civil administration of Mesopotamia*. London: H.M. Stationery Office, 1920. 152 p.

Brand L. *Citizens Abroad: Emigration and the State in the Middle East and North Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 268 p.

Courtney J.E. Gertrude Bell, in *The North American Review*. 1927. No. 233. Is. 833. Pp. 656–663.

Darweish M., Alsayid M. War and Peace in Iraqi Kurdistan's History Curricula, in *Peace Review*. 2018. No. 30. Is. 3. Pp. 322–330.

Darweish M., Maamoon A.M. History education in schools in Iraqi Kurdistan: representing values of peace and violence, in *Journal of Peace Education*. 2018. No. 15 (1). Pp. 48–75.

Duplisea G. Writing in the Masculine: Gertrude Lowthian Bell, Gender, and Empire, in *Terrae Incognitae*. 2016. No. 48(1). Pp. 55–75.

Edmonds C.J. The Kurds of Iraq, in *Middle East Journal*. 1957. No. 11(1). Pp. 52–62.

Eppel M. The Elite, the Effendiyya, and the Growth of Nationalism and Pan-Arabism in Hashemite Iraq, 1921–1958, in *International Journal of Middle East Studies*. 1998. No. 30 (2). Pp. 227–250.

Eskander S. Britain's Policy in Southern Kurdistan: The Formation and the Termination of the First Kurdish Government, 1918–1919, in *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2000. No. 27 (2). Pp. 139–163.

Fattah H. What did it mean to be an Iraqi during the Monarchy?, in *Writing the Modern History of Iraq, Historiographical and Political Challenges*. Ed. by J. Tejel, P. Sluglett, R. Bocco, H. Bozarslan. Singapore: World Scientific, 2012. Pp. 95–105.

Franzén J. Writing the History of Iraq: The Fallacy of 'Objective' History, in *Writing the Modern History of Iraq, Historiographical and Political Challenges*. Ed. by J. Tejel, P. Sluglett, R. Bocco, H. Bozarslan. Singapore: World Scientific, 2012. Pp. 31–45.

Fuccaro N. Minorities and Ethnic Mobilisation: The Kurds in Northern Iraq and Syria, in *The British and French Mandates in Comparative Perspectives*. Ed. by N. Meouchy, P. Sluggett. Leiden: Brill, 2004. Pp. 579–595.

Hassanpour A. *Nationalism and Language in Kurdistan, 1918–1985*. Lewiston: Mellen Research University Press, 1992. 520 p.

Howell G. *A Woman in Arabia*. London: Penguin Books, 2015. 320 p.

Iraqi curriculum framework. UNESCO Iraq Office. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000219551> (accessed 20 November 2023).

- Jalal P.A. Sectarianism in Kurdistan Region of Iraq Between Political and Theological Schism [Doctoral dissertation, Virginia Polytechnic Institute and State University], in *Virginia Tech Electronic Theses and Dissertations*. 2020. Available at: <https://vtechworks.lib.vt.edu/handle/10919/99090> (accessed 20 August 2023).
- Kaymaz I.S. Britains Policy Toward Kurdistan At The End Of The First World War, in *Turkish Journal Of International Relations*. 2011. No. 10. Pp. 79–103.
- Kearney A. Ethnicity and Memory, in *Research Methods for Memory Studies*. Ed. by E. Keightley, M. Pickering. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. Pp. 132–148.
- Leezenberg M. Vernacularization as Governmentalization: the Development of Kurdish in Mandate Iraq, in *Arabic and its Alternatives: Religious Minorities and their Languages in the Emerging Nation States of the Middle East (1920–1950)*. Ed. by H. Murre-van den Berg, K. Sanchez-Summerer, T.C. Baarda. Leiden: Brill, 2020. Pp. 50–76.
- Lukitz L. *Iraq: the search for national identity*. Abingdon: Routledge, 1995. 224 p.
- Mesopotamia: Intelligence Reports / British Library: India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/10/962*. Available at Qatar Digital Library: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100000000419.0x00035a (accessed 15 December 2023).
- Muntasser M.H. State-building and ethnic pluralism in Iraq after 2003, in *The Journal of Political Theory Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2022. No. 104 (1). Pp. 110–129.
- Osman K.F. *Sectarianism in Iraq: The Making of State and Nation since 1920*. Abingdon: Routledge, 2015. 358 p.
- Pingel F. “Can Truth Be Negotiated?” History Textbook Revision as a Means to Reconciliation, in *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. No. 617. Pp. 182–186.
- Pursley S. Building the Nation through the Production of Difference, in *Writing the Modern History of Iraq, Historiographical and Political Challenges*. Ed. by J. Tejel, P. Sluglett, R. Bocco, H. Bozarslan. Singapore: World Scientific, 2012. Pp. 119–143.
- Satia P. The Defense of Inhumanity: Air Control and the British Idea of Arabia, in *The American Historical Review*. 2006. No. 111 (1). Pp. 16–51.
- Tejel J. The potential of history textbooks and curriculum reform in Iraqi Kurdistan within a conflict transformation frame: dealing with the past from a processual and dynamic perspective, in *Ethnic and Racial Studies*. 2015. No. 38 (14). Pp. 2569–2583.
- Tripp Ch. *A history of Iraq*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 386 p.
- Wilson A. *Loyalties: Mesopotamia, 1914–1917: A Personal and Historical Record*. Vol. 2. London: Oxford University press, 1936. 439 p.
- Yakoubi M. Gertrude Bell’s Perception of Faisal I of Iraq and the Anglo-Arab Romance, in *Gertrude Bell and Iraq: A life and legacy*. Ed. by Ch. Tripp, P. Collins. Oxford: British Academy, 2017. Pp. 187–214.